

Даровое Достоевского в архивных документах Русского географического общества

А. С. Бессонова

*Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Российская Федерация)*

e-mail: abessonova13@mail.ru

Аннотация. Летние месяцы 1832–1836 гг., проведенные в детстве Ф. М. Достоевским в родительском имении Даровое Каширского уезда Тульской губернии, оставили, по собственному признанию писателя, «самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь». Одно из таких впечатлений — быт, традиции, характер русского народа. Обнаруженный в архиве Русского географического общества (РГО) документ «Сведения о простом русском народе Тульской губернии по Каширскому уезду», составленный священником Свято-Духовского храма села Моногарова П. В. Проферансовым (1849), содержит этнографическое описание крестьян селений Моногарово, Даровое, Черемошня, Комово, Назарьево — прихода Свято-Духовского храма. Эти документальные сведения дают представление не только о внешнем облике, языке, жилище, обрядах и преданиях народа, но и о народном характере, каким узнал его в юные годы будущий писатель. Введение в научный оборот новых материалов по истории имения Достоевских Даровое позволит полнее представить обстоятельства формирования характера и мировоззрения писателя. Рассмотрение архивных материалов РГО в контексте «народной» идеи Ф. М. Достоевского, сформулированной им в «Дневнике Писателя», свидетельствует об объективности его позиции в «народном» вопросе и несомненном влиянии ранних впечатлений деревенского детства на идейно-художественный строй произведений.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, ранняя биография писателя, имение Даровое, Каширский уезд Тульской губернии, Русское географическое общество, архив, этнографическое описание, русский народ, село Моногарово, П. В. Проферансов

Благодарность. Исследование выполнено в Государственном социально-гуманитарном университете (ГСГУ) при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-28-00699 («Новое о Достоевском: реконструкция ранней биографии и творчества в междисциплинарном исследовании») [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00699/> (01.05.2023).

Для цитирования: Бессонова А. С. Даровое Достоевского в архивных документах Русского географического общества // *Неизвестный Достоевский*. 2023. Т. 10. № 2. С. 196–223. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6761. EDN: KCHZXM

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.6761

EDN: KCHZXM

Dostoevsky's Darovoe in Archival Documents of the Russian Geographical Society

Albina S. Bessonova

State Social and Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)

e-mail: abessonova13@mail.ru

Abstract. The summer months of 1832–1836, spent by F. M. Dostoevsky as a child in his parents' Darovoe estate in the Kashirsky district of Tula province, left, by the writer's own admission, “the deepest and strongest impression for the rest of his life.” One of these impressions is the way of life, traditions, and character of the Russian people. The Russian Geographical Society (RGO) archive document “Information About the Ordinary Russian People of Tula Province in Kashirsky District”, compiled by the priest of the Holy Dukhovskiy church of Monogarovo village P. V. Proferansov (1849), contains an ethnographic description of the peasants of the villages of Monogarovo, Darovoe, Cheremoshnya, Komovo, Nazar'yevo — parish of the Holy Dukhovskiy temple. These documentary data provide an idea not only about the appearance, language, dwelling, rituals and traditions of the people, but also about the national character, as the future writer learned it in his youth. The introduction into scientific circulation of new materials on the history of the Dostoevskys' Darovoe estate will allow us to more comprehensively present the circumstances of the formation of the character and worldview of the writer. Consideration of the archival materials of the Russian Geographical Society in the context of the “folk” idea of F. M. Dostoevsky, formulated by him in the “A Writer's Diary”, testifies to the objectivity of his position in the “folk” question and the undoubted influence of early impressions of rural childhood on the ideological and artistic structure of works.

Keywords: F. M. Dostoevsky, early biography of the writer, Darovoe estate, Kashirsky district of Tula province, Russian Geographical Society, archive, ethnographic description, Russian people, Monogarovo village, P. V. Proferansov

Acknowledgments. The reported study was carried out at State Social and Humanitarian University with financial support of Russian Science Foundation (RSF), project number 23-28-00699. Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-00699/> (accessed on May 1, 2023).

For citation: Bessonova A. S. Dostoevsky's Darovoe in Archival Documents of the Russian Geographical Society. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 2, pp. 196–223. DOI: 10.15393/j10.art.2023.6761. EDN: KCHZXM (In Russ.)

Летние месяцы 1832–1836 гг., проведенные в детстве Ф. М. Достоевским в родительском имении Даровое Каширского уезда Тульской губернии, оставили, по собственному признанию писателя, «самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь»¹. Одно из таких впечатлений — быт,

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 25. С. 172. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

традиции, характер русского народа. Даровое положило начало важному для Достоевского процессу узнавания народа, своеобразной кульминацией чего стала каторга, впечатления о которой художественно оформились в «Записках из Мертвого Дома». Нравственный облик простого русского народа стал одной из ключевых тем «Дневника Писателя». Зная, какое значение в жизни человека Достоевский придавал воспоминаниям «первого детства», мы понимаем, что тесное общение с крестьянами Дарового оказало большое влияние на мировоззрение писателя.

Первая попытка документальной реконструкции крестьянской среды Дарового времен детства Достоевского была предпринята семейным биографом — младшим братом писателя А. М. Достоевским, благодаря воспоминаниям которого стали известны староста Савин Макаров, дворовый человек Григорий Васильев, Марк Ефремов (прототип мужика Марая), семья погорельца Архипа Савельева, кучер Симеон Широкий, дурочка Аграфена. В силу своей жанровой природы и возраста автора на момент припоминаемых событий (7–13 лет, с 1832 по 1838 г.) мемуары А. М. Достоевского не могут претендовать на полноту этнографического описания Дарового и Черемошни. Однако важные оценочные суждения о крестьянах и взаимоотношениях с ними воспоминания содержат:

«В деревне, как и сказано выше, мы постоянно были на воздухе и кроме игр проводили целые дни на полях, присутствуя и приглядываясь к трудным полевым работам. Все крестьяне, в особенности женщины, нас очень любили и не стесняясь нисколько вступали с нами в разговоры. Мы с своей стороны старались тоже угодить им всевозможными средствами. Так однажды брат Федя, увидев что одна крестьянка пролила запасную воду, вследствие чего ей нечем было напоить ребенка, немедленно побежал версты за две домой и принес воды, чем заслужил большую благодарность бедной матери.

Да, крестьяне нас любили! Сцена, с таким талантом описанная впоследствии братом Федором Михайловичем в "Дневнике Писателя" с крестьянином Мареем, достаточно рисует эту любовь»².

Эпизод особенно интересен горячим сочувствием будущего писателя к народу, в чем мы видим полное отсутствие сословных границ: барчата Достоевские, «приглядываясь к трудным полевым работам», видя сердечное к себе расположение, стараются угодить крестьянам (здесь, заметим, явно сказалось семейное воспитание, в котором труд отцом и матерью — не

² [Достоевский А. М.] Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского / ред. и вступ. ст. А. А. Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 58. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Достоевский А. М.* и указанием страницы в круглых скобках.

дворянами по происхождению — полагался непременно залогом благополучия, а следовательно, был уважаем).

А. М. Достоевский понимающе-снисходительно отзывается о народном характере:

«При воспоминании о Марее мне всегда припоминается одно происшествие, ясно рисуемое, до какой степени детски-наивны были тогда крестьяне в нашей местности. Они, не стесняясь, называли вещи своими названиями, хотя таковые всеми другими почитаются неприличными и невежливыми. <...> Другой подобный случай припоминаю со старостой Савином Макаровым. Ясно, что в обоих этих случаях даже самый взыскательный господин не заподозрит и тени умышленной неприличности или невежливости. Выражались же крестьяне так, как дети природы» (Достоевский А. М.: 59).

Непечатная лексика в народной речи была услышана Достоевским в детстве; осмысление этой проблемы мы находим в «Дневнике Писателя» 1873 г. («Маленькие картинки» и «Учителю»):

«...народ наш <...> если и сквернословит, то делает это не из любви к скверному слову, не из удовольствия сквернословить, а просто по гадкой привычке, перешедшей чуть не в необходимость, так что даже самые далекие от сквернословия мысли и ощущения выражает в сквернословных же словах. <...>. Народ наш не развратен, а *очень даже целомудрен...*» (курсив автора. — А. Б.) (ДЗ0; т. 21: 115–116).

Как видим, братья Достоевские единодушны в своем понимании речевого поведения крестьян.

В. С. Нечаева в 1939 г. опубликовала книгу «В семье и усадьбе Достоевских» с приложением «Письма М. А. и М. Ф. Достоевских»³, которая стала первым полноценным исследованием даровского периода жизни Ф. М. Достоевского, и в частности народной среды: именно в переписке родителей жизнь деревни отображена достаточно полно, включая и народные нравы. Интересна книга и тем, что автор, бывая в Даровом в 1920-е гг., общалась с бывшими крепостными, которые помнили семью Достоевских⁴. Однако эта работа несет на себе печать идейно-классового подхода первых десятилетий советского периода. Не исключено, что крестьяне-информанты В. С. Нечаевой также были несвободны от политической конъюнктуры

³ Издатель «Воспоминаний» А. М. Достоевского, его сын Андрей Андреевич, включил в книгу в качестве приложения хранившиеся в семье письма М. А. и М. Ф. Достоевских с краткими комментариями. В. С. Нечаева объединила в своей работе всю дошедшую до нас переписку родителей писателя даровского периода, которая составила в общей сложности 25 писем, и идентифицировала, опираясь на церковные документы, упоминавших в переписке крестьян Дарового и Черемошни.

⁴ См. также: [Нечаева, 1926; 1979: 93; 1985: 291–295].

и могли говорить то, что от них хотела услышать исследовательница (см.: [Прохоров, 2010]).

Несомненную ценность представляют статьи В. П. Владимирцева, посвященные этнологическим аспектам творчества Ф. М. Достоевского. Назвав свою итоговую работу «Достоевский народный» (2007), ученый утвердил особую природу творчества писателя, корни которого видел в том числе в его деревенском детстве: «Очевидно, что христианские основы этнологической культуры писателя закладывались уже в его "первом детстве и отрочестве" <...> под прямым и сильным воздействием исконной стихийной культуры русского простолюдина <...> живя летом в деревне Даровое, юный Достоевский в известном смысле "крестьянствовал"» [Владимирцев: 51].

Попытка расширить источниковедческую базу в изучении народной темы у Достоевского предпринята в коллективной монографии «Даровое Достоевского: материалы и исследования» (2021) за счет введения в научный оборот ранее неизвестных архивных документов, а также малоизвестных печатных источников по этнографии и диалектологии Каширского и Зарайского уездов XIX в. [Даровое Достоевского: 217–272]. Среди них «Очерк сельских празднеств, примет, поверий и обрядов в Каширском уезде» П. П. Сумарокова — подробнейшее этнографическое описание, составленное деревенским помещиком⁵.

Продолжение поиска источников по ранней биографии Ф. М. Достоевского дало новый результат: в архиве Русского географического общества (РГО) обнаружен документ «Сведения о простом русском народе Тульской губернии по Каширскому уезду»⁶, составленный священником Свято-Духовского храма села Моногарова П. В. Проферансовым (1849). Документ содержит этнографическое описание крестьян селений Моногарово, Даровое, Черемошня, Комово, Назарьево — прихода Свято-Духовского храма. Эти сведения дают представление не только о внешнем облике, языке, жилище, обрядах и преданиях, но и о народном характере, каким узнал его в юные годы будущий писатель.

Поводом для обращения к архиву РГО стало обнаруженное нами ранее в фонде 365 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки дело под названием «Проферансов Павел, священник села Моногарова. Материалы по поручению ему от Тульской духовной консистории работ для Русского географического общества»⁷.

⁵ Комментированную републикацию см.: Сумароков П. Очерк сельских празднеств, примет, поверий и обрядов в Каширском уезде / подгот. текста и коммент. А. С. Бессоновой // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: Лига, 2019. С. 201–213 [Электронный ресурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (01.05.2023).

⁶ Архив РГО. Р. 42. Оп 1. Ед. хр. 31. 3 л.

⁷ ОР РГБ. Ф. 365. К. I. Ед. хр. 10 (1852–1870). 14 л.

РГО, основанное в 1845 г., было охарактеризовано П. П. Семеновым-Тянь-Шанским как корпорация, «свободная и открытая для всѣхъ, кто проникнуть любовью къ родной землѣ и глубокою несокрушимою вѣрою въ будущность Русскаго государства и русскаго народа», а основополагающей задачей общества ученый видел «непрерывную работу *русскаго самопознанія*»⁸ (курсив автора. — А. Б.). Из «Отчета Русскаго географическаго общества» за 1849 г. известно, что в 1848 г. по стране были разосланы программы для собиранія климатологических и этнографических сведений, и результаты превзошли все ожидания:

«Плоды самыя обильныя и чрезвычайно полезныя приобрѣтены Обществомъ въ слѣдствіе программы, разосланной имъ по Отдѣленію Этнографіи, съ цѣлю собрать въ мѣстахъ живыя свѣдѣнія о народномъ бытѣ разнообразнаго населенія нашего великаго отечества, въ особенности коренной и господствующей его стихіи, русской. <...> Присылають [отвѣты] лица всѣхъ сословій и званій: помѣщики, чиновники, духовенство, городскіе и даже сельскіе обыватели. Нельзя при семъ не порадоваться сколько съ одной стороны тому общему радушію, какимъ встрѣченъ всюду призывъ Общества участвовать въ его трудахъ, столько же, или еще болѣе, той вѣрности и точности, съ которой почти всѣми отвѣчавшими поняты намѣренія Общества, изложенныя въ программѣ, а равно и той добросовѣстности и отчетливости, съ которой составлена большая часть отвѣтовъ. <...> наибольшую частью этихъ драгоценныхъ монографій обязано Общество мѣстнымъ православнымъ священникамъ, которыхъ личное усердіе, какъ видно, было ободряемо и покровительствуемо просвѣщенными архипастырями»⁹.

Одним из информантов РГО стал Павел Васильевич Проферансов (1822–1896) — родственник Федора Михайловича Достоевского, с 1846 по

⁸ История полувековой деятельности Императорскаго Русскаго географическаго общества, 1845–1895. Ч. 1, отд. 1–3 / сост. по порученію совета Императорскаго Рус. геогр. о-ва вице-пред. о-ва П. П. Семенов при содействіи действ. чл. А. А. Достоевскаго. Ч. 1. СПб., 1896. С. XXX [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/211824/1/MDAxX0wucGRm> (01.05.2023). Как видим из библиографическаго описанія даннаго изданія, семья Достоевскихъ тесно связана с РГО не только через П. В. Проферансова. П. П. Семенов-Тянь-Шанскій, известный географ и общественный деятель, был хорошо знаком с Ф. М. Достоевскимъ еще со времени своей учебы в Петербургѣ в 1840-е гг., встречался с ним в Семипалатинскѣ и Барнаулѣ, их отношенія продолжались в 1870-е гг. [Белов, т. 2: 198–200]. Племянникъ писателя Андрей Андреевичъ Достоевскій — ученый секретарь РГО в 1901–1914 гг. [Хроника: 620]. Экземпляр «Истории полувековой деятельности Русскаго географическаго общества» содержитъ дарственную надпись А. А. Достоевскаго отцу: «Милому и дорогому папѣ на добрую память отъ сотрудника въ изданіи — искренно любящаго его сына Андрея Достоевскаго. 15го Марта 1896го года». В июле 1887 г. Андрей Михайловичъ с Андреюшкой, какъ называетъ он сына в дневникѣ, в последний разъ побывал в Даровомъ (см.: [Поездка в Даровое]).

⁹ Отчетъ Императорскаго Русскаго географическаго общества за 1849 год. СПб., 1850. С. 57–58, 60 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/212586/1/UnVQUkxjQjEуMDQ3ODMzLnBkZg==> (01.05.2023).

1896 г. — настоятель Свято-Духовского храма в селе Моногарове. Прихожанами моногаровской церкви на протяжении без малого ста лет были члены семьи Достоевских — сначала родители писателя: Мария Федоровна с детьми (1832–1836), потом овдовевший Михаил Андреевич (1837–1839), похороненный на кладбище в церковной ограде. С 1852 по 1929 г. с храмом в Моногарове связана жизнь Веры Михайловны Ивановой, сестры писателя, и ее детей. Из «Воспоминаний» Андрея Михайловича Достоевского узнаем:

«...летом 1887 года, я был в Даровой у сестры Веры Михайловны <...> и, конечно, был в Моногарове, чтобы отслужить панихиду по папеньке. Служащий нынче настоятелем Моногаровского прихода отец Преферансов (породнившийся с сестрою Верочкою) показался мне совершенным джентльменом в сравнении с прежним священником» (*Достоевский А. М.*: 62).

За сына священника — Михаила Павловича Проферансова вышла замуж дочь Веры Михайловны, Нина Александровна Иванова [Хроника: 703–718]. «Совершенный джентльмен», моногаровский батюшка вел активное общественное служение: с 1859 г. он по назначению епархиального начальства находился на должности депутата; с 1864 по 1873 г. по выбору окружного духовенства был наблюдателем церковно-приходских училищ¹⁰. В числе семи священников Каширского уезда Павел Проферансов был «по определению Консistorии, Его Преосвященством утвержденному, признанъ способнымъ къ достиженію цѣли общества въ собираніи требуемыхъ сведеній» и 21 марта 1849 г. получил из Каширского духовного правления руководство для собиранія этнографическихъ сведений и определения климата. 14 апреля 1850 г. в Моногарово направлен документ следующего содержания:

«Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ Каширскаго Духовнаго Правленія, Каширской округи села Моногарова Священнику Павлу Проферансову. Сіе Правленіе, въ слѣдствіе сообщенія Русскаго Географическаго общества <...> предписываетъ изъяснить Вамъ отъ имени Географическаго общества искреннюю признательность принявшему на себя трудъ по собранію климатологическихъ и этнографическихъ сведеній. Апрѣля "14" дня 1850 года»¹¹.

Хранящееся в архиве РГО этнографическое описание «Сведения о простом русском народе Тульской губернии по Каширскому уезду», составленное Павлом Проферансовым, получено обществом 7 января 1850 г., следовательно, составлялось в предыдущем 1849 г. Это самое близкое по времени к даровскому детству Достоевского документальное этнографическое

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 365. К. 1. Ед. хр. 14. Л. 22 об. — 23. Подробнее о П. В. Проферансове см.: [Даровое Достоевского: 195–203].

¹¹ ОР РГБ. Ф. 365. К. 1. Ед. хр. 10. Л. 5.

свидетельство: наблюдать и изучать местный народ Павел Проферансов мог в течение тех трех лет, что исправлял должность настоятеля Моногаровского храма (с 1846 по 1849 г., то есть спустя 10 лет после деревенских каникул Достоевского). Документ содержит характеристику крестьян Дарового, Черемошни, Моногарова, Комова и Назарьева — селений прихода Свято-Духовского храма. Он расширяет наше представление о первых «народных» впечатлениях будущего писателя, которые — чему доказательство рассказ «Мужик Марей» и публицистика «Дневника Писателя» — положены в основу концепции народного характера по Достоевскому.

Руководство РГО по собиранию этнографических сведений имело следующую структуру: 1) О наружности; 2) О языке; 3) Домашний быт; 4) Умственные и нравственные способности; 5) Народные предания. Документ, составленный настоятелем Моногаровской церкви, сообщает нам ценные сведения о крестьянах Каширского уезда, в том числе и помещиков Достоевских.

Так, относительно внешности отмечено:

«Обитающіе въ семь край поселяне вообще росту средняго. <...> Всѣ они собою статны и сильны. <...> плъчи широкія, особенно уж женщинъ, вѣроятно потому, что они съ малолѣтства приобучаютъ себя къ трудамъ и носятъ тяжелья ноши. <...> Ловкости и проворства въ нихъ особаго нѣтъ, впрочемъ они къ физическимъ трудамъ охотны, — сильны и даже въ нихъ кажутся неутомимы. Здѣсь жены простаго народа молотятъ хлѣбъ, иногда ходятъ за сохою и вообще помогаютъ крестьянамъ во всѣхъ тяжельхъ работахъ хлѣбопашества»¹².

Обращает на себя внимание облик женщин-крестьянок, в котором подмечена привычка к тяжелому труду наравне с мужчинами, что наблюдал Достоевский в детстве и чему, как мы помним, сочувствовал.

Описание крестьянского жилища дает представление не только о внешней стороне быта, но и о социально-экономическом положении деревни времен Достоевских-помещиков. Изба, крытая соломой, с двумя-тремя окнами на улицу, в 7–10 аршин, хозяйственная горница размером поменьше, а между ними — сени с чуланом. Земляной, редко — кирпичный пол¹³, печь без дымохода и трубы, то есть избы распространены черные, «дымные», как называет их Проферансов. Он отмечает, что единственным убранством крестьянского жилища являются лавки да столы. Живут крестьяне неопрятно, т. к. нередко держат скотину в доме. Двор, обнесенный плетнем, и сарай для конской упряжи и земледельческих орудий — вот, собственно, и все хозяйство.

¹² Архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1.

¹³ Остатки подобного пола были обнаружены при благоустроительных работах на территории бывшей усадьбы Хотяинцевых в с. Моногарове. См. об этом: [Ойнас].

В. С. Нечаева в своей книге обращает внимание «на страшную бедность, которая царилла во владениях Достоевских. И действительно, в разных местах переписки (родителей. — А. Б.) находятся подтверждения тому, что хозяйство Достоевских, так же как и их крестьян, было гнетуще убого, нищенски бедно» [Нечаева, 1939: 46].

И хотя оценки В. С. Нечаевой утрированы («страшная бедность», «гнетуще убого», «нищенски бедно»), картина, представленная П. В. Проферансовым, говорит о суровом быте даровских крестьян.

Характеризуя народную одежду, особое внимание священник уделяет одеянию крестьянок. Поскольку Тульская губерния относится к южным великорусским губерниям, для нее характерен так называемый понёвный комплекс в женской народной одежде. По свидетельству этнографического описания Проферансова:

«Обыкновенная одежда женщинъ состоитъ <...> въ юбку изъ шерстяной матеріи, — шахматной и бѣлой, устроенной изъ льнянаго холста занавѣскъ безъ рукавовъ. Сверхъ оныхъ носятъ такъ называемые нагрудники: это платье шерстяное бѣлое съ короткими до локтя рукавами безъ ворота съ одними обшивками; длиною оно до коленъ. <...> Рубахи у нихъ дѣлаются съ широкими рукавами. Для употребленія по праздникамъ эти рукава дѣлаются ситцовые, только краснаго цвѣта, который у нихъ въ больиомъ употребленіи <...> На голову носятъ платокъ повязывая его разнымъ образомъ»¹⁴.

Наблюдается традиционная для южнорусского женского костюма многослойность, преобладающие цвета — белый, красный и, по всей вероятности, темно-синий — у понёвы, которую Проферансов называет юбкой. Древнейший на территории России женский костюм с понёвой (в отличие от сарафанного комплекса) в «достоевских» селениях Каширского уезда обладал как традиционными, так и индивидуальными чертами. «Шахматная» понёва — это, скорее всего, шерстяная клетчатая поясная одежда из домоткани: цветные нити основы и утка пересекаются под прямым углом по синему или, реже, красному фону, образуя клетку. Проферансов не уточняет, распашную или глухую понёву носят даровские крестьянки. Вероятно, название «юбка» подсказывает, что у понёв была прошва — полотнищевставка, соединявшая три основных полотна.

Нагрудник — также традиционный элемент южновеликорусского женского костюма, в котором можно увидеть местные черты: обшивки из красного сукна на груди, рукавах и подоле¹⁵, который достаточно длинен — доходит до колен (обычно нагрудник длиной до бедер). Как отмечают современные

¹⁴ Архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1 об. — 2. Заметим, что дается описание костюма замужней женщины: понёва, платок — знаковые его элементы.

¹⁵ Обшивка из ткани, как правило, более поздний и менее трудоемкий вариант украшения женской одежды, в отличие, например, от вышивки [Жигулева: 28–29].

исследователи народного костюма, «в тех местностях, где был распространен женский костюм с нагрудной одеждой, <...> отличительные признаки зачастую настолько явны и ярки, что довольно точно можно определить место происхождения предмета, его принадлежность к той или иной этнолокальной традиции. В каждой местности материал нагрудников, их крой и декор, а также их определенные сочетания соотносились с возрастом хозяйки, ее социальным статусом, обрядово-бытовой ситуацией, в которой она находилась в конкретный момент, и с материальным достатком ее семьи» [Мадлевская, Зимина: 12].

Красный суконный четырехугольник, согласно исследованиям народного костюма, — элемент праздничной женской одежды наряду с упомянутым в описании мишурным позументом. Обращают на себя внимание используемые в изготовлении одежды ткани: домашнего производства — льняная¹⁶ и шерстяная, фабричные — сукно и ситец, которые наравне с праздничным мишурным (медным или оловянным) позументом говорят о том, что при всех материальных ограничениях крестьянки находили возможность украсить свой праздничный костюм.

Отдельно надо сказать про головной убор. В тульско-рязанской округе, где находились «пограничные» Даровое и Черемошня, традиционным головным убором замужних женщин была так называемая сорбка, состоявшая из множества элементов, число которых могло доходить до четырнадцати. Сороку Павел Проферансов не упоминает, говоря о платке и разных способах его повязывать. По-видимому, это также одна из характерных местных черт, отличавших костюм здешних крестьянок.

Думается, что, когда Достоевский в «Дневнике Писателя» говорит о положительных народных качествах, он в своей оценке, несомненно, опирается и на память детства, которая сохранила представление о творческом начале и эстетическом чувстве крестьян, которые наиболее ярко проявились в народных промыслах и костюме.

Большое внимание Павел Проферансов уделяет обрядам, в частности во время свадьбы и при скотском падеже. Свадебный обряд в Каширском уезде, сохраняя свою традиционную для дореволюционной русской деревни структуру, отличается в то же время местными особенностями:

«Когда родители молодого человека задумают женить: то ищут между своими знакомыми пристойной невесты; нашедши же идут к родителям сей дѣвицы. Если родитель невестинъ согласенъ отдать ее за мужъ: то велитъ принести штофъ водки, и это принимается знакомъ его согласія. Для сего онъ созываетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ — и при этомъ угощеніи со стороны

¹⁶ Пока невозможно объяснить отсутствие в описании *пѣскони* — более распространенной в данной местности ткани из конопли. Конопляники в Даровом и Черемошне были, о чем есть документальные свидетельства: экономические примечания к межевым планам, письма М. Ф. Достоевской [Даровое Достоевского: 116].

родителей жениха невеста дѣлаетъ жениху чрезъ родителей его обыкновенные подарки, которые большею частію состоятъ въ двухъ платкахъ, изъ коихъ одинъ бумажный, а другой изъ льнянаго холста. (Здѣсь женихъ не видитъ своей невесты до времени совершенія брака.) Постановивши такимъ образомъ условія родители жениха уходятъ, — невеста при выходѣ ихъ начинаетъ громогласно плакать, а съ нею и всѣ ея родственники, — впрочемъ только женскій полъ. — Когда условія постановлены, то родители жениха должны платить за невесту договорную сумму, которая впрочемъ не выше трехъ рублей серебромъ, вообще же ниже и того. — Наконецъ собирается поѣздъ въ Приходскую Церковь для совершенія брака; женскій полъ сопровождаетъ ихъ съ пѣснями нерѣдко до самой Церкви, — въ это время они запасаются водкою для угощенія стороннихъ людей, встрѣчающихся на пути, — опасаясь въ противномъ случаѣ порчи, причиняющей будто вредъ здоровью и щастію брачующихся»¹⁷.

В описании свадебного обряда прослеживаются основные элементы этого поворотного события в крестьянской жизни — перехода из одного состояния в другое: сватовство, рукобитье, взаимное одаривание, причитание невесты по своей воле, ее «продажа», свадебный поезд (см.: [Гура]). Традиционная водка фигурирует в обряде исключительно как знак согласия либо средство против порчи, однако П. В. Проферансов описал лишь часть свадебного обряда — до венчания. Вторая же часть — застольная — им опущена, но может быть косвенно «реконструирована» по воспоминаниям Ф. М. Достоевского в рассказе «Мужик Марей». Автор признается:

«...никогда не мог я вынести без отвращения пьяного народного разгула...»
(ДЗ0; т. 22: 46).

Подобные сцены будущий писатель мог наблюдать в деревне в редкие для крестьян праздники, включая свадьбы. Метрические книги Свято-Духовского храма села Моногарова содержат информацию об этих событиях: так, например, в мае 1833 г. венчались крестьянин сельца Дарового вдовец по первому браку Мокей Тимофеев и сельца Черемошни девица Ульяна Яковлева; в июле — даровской крестьянин Егор Макаров и вдова по первому браку Матрена Максимова из Черемошни¹⁸. Подобные крестьянские браки во время летних каникул будущего писателя фиксируют метрические книги и последующих годов. Таким образом, Достоевскому могли запомниться и традиции обряда, полного символов, и «пьяный народный разгул»¹⁹.

¹⁷ Архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 2.

¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 15. Т. 1. Ед. хр. 884. Л. 770 об. — 771.

¹⁹ Заметим, что и Раскольников с детства испытывает отвращение к пьяной толпе мужиков: «В нескольких шагах от последнего городского огорода стоит кабак, большой кабак, всегда производивший на него неприятнейшее впечатление и даже страх, когда он проходил мимо его, гуляя с отцом» (ДЗ0; т. 6: 46).

Древний обряд опахивания селения²⁰ при скотском падеже в тексте Проферансова — свидетельство взаимопроникновения языческих традиций и христианской веры:

«...собираются тайно, — ночью всѣ находящіяся въ деревнѣ вдовы и дѣвы въ одно мѣсто; и избираютъ одну болѣе честную, которой вручаютъ икону Спасителя или Божіей Матери, — другія берутъ соху, — въ самую полночь начинается ходъ вокругъ всей деревни; впередъ несутъ икону, за тѣмъ двѣ женщины везутъ на себѣ соху, проводя оною черту, или борозду, прочія сопровождаютъ съ пѣніемъ Господи помилуй, или Святый Боже! Если во время этой церемоніи встрѣчается съ ними какое животное, то стараются прогнать оное отъ деревни на дальнее разстояніе. Этому обряду простой народъ приписываетъ великую силу, хотя и рѣдко сбывается по ихъ предположенію»²¹.

Бывали ли случаи скотского падежа в Даровом и Черемошне в 1830-е гг., мы пока не знаем. Однако описание суеверного обряда опахивания (достаточно распространенного в Каширском уезде, о чем говорят материалы, поступившие в РГО из разных селений) вписывается в традицию, о которой мы знаем по «Воспоминаниям» А. М. Достоевского и местным церковным документам. Брату писателя памятен эпизод крестного хода вокруг устроенного в усадьбе пруда — «чтобы не было преждевременной ловли и истребления вновь насаженных карасей в пруду» (*Достоевский А. М.*: 55). В приходо-расходных книгах Свято-Духовского храма есть ряд записей, сделанных настоятелем, о молебнах в роще, в поле²², которые говорят о сохранении древней, дохристианской традиции обожествления природы, ритуального с ней взаимодействия и при этом о сосуществовании данной традиции с православными церковными обрядами. В тот же ряд встраивается «непростительная шалость» в Даровом, о которой пишет А. М. Достоевский:

«За липовой рощей было кладбище, и вблизи его стояла ветхая деревянная часовня, в которой на полках помещались иконы. Дверь в эту часовню никогда не запиралась. Гуляя однажды в сопровождении горничной Веры, которая была очень веселой и разбитной девушкой, мы зашли в эту часовню

²⁰ Попов Г. <И.> Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. С. 190–192 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru/item/442408?ysclid=ljsgdpa2mp997042764> (01.05.2023). Магический ритуал проведения черты между здоровыми и больными имел универсальное значение и применялся не только при скотском падеже, но и при эпидемиях среди людей.

²¹ Архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 2–2 об.

²² «1857. Июль 12. За молебень съ водосвят. въ льсу 3 <руб.> 50 <коп.>. Августъ 8. За молебень на Застѣвѣ 1.40. <...>. 1858. Октябрь 30. За молебень въ рощѣ 2.10. <...>. 1859. Июль. 12. Получ. за молеbstво въ заказникъ 5.25. <...>. 1860. Июнь. За молеbstвiе на поляхъ Даровскихъ 2.20» (ОР РГБ. Ф. 365. К. 2. Ед. хр. 10 (Тетрадь для записей доходов Свято-Духовской церкви села Моногарова Каширского округа за 1857–1867 гг.). Л. 3 об., 8, 11, 14). Подробнее об этом: [Даровое Достоевского: 200–201].

и долго не думая подняли образа и с пением различных церковных стихов и песней, под предводительством Веры, начали обход по полю. Эта непродительная проделка удалась нам раза два-три, но кто-то сообщил об этом маменьке и нам досталось за это порядком» (*Достоевский А. М.*: 57–58).

Театрально-игровое начало виденных в деревне ритуалов вписывалось в игровую стихию, охватившую детей. Неслучайно младший брат писателя вспоминает об импровизированном крестном ходе по Попову полю в одном ряду с игрой в «диких», Робинзона и лошадки. Даровской период в жизни и судьбе Ф. М. Достоевского в таком случае значительно глубже и насыщеннее впечатлениями, чем это представлялось, например, В. С. Нечаевой. Вот сцена в «Братьях Карамазовых» между Алешей и Колей Красоткиным, где сформулирована эстетическая доктрина писателя:

«— А хоть бы и для своего удовольствия играли, что ж тут такого?

— Ну для себя... Не станете же вы в лошадки играть?

— А вы рассуждайте так, — улыбнулся Алеша, — в театр, например, ездят же взрослые, а в театре тоже представляют приключения всяких героев, иногда тоже с разбойниками и с войной — так разве это не то же самое, в своем, разумеется, роде? А игра в войну у молодых людей, в рекреационное время, или там в разбойники — это ведь тоже зарождающееся искусство, зарождающаяся потребность искусства в юной душе, и эти игры иногда даже сочиняются складнее, чем представления на театре, только в том разница, что в театр ездят смотреть актеров, а тут молодежь сами актеры. Но это только естественно» (*ДЗ0*; т. 14: 484).

Знаковая для Дарового игра в лошадки делает Алешу и Колю в романе прямыми представителями автора, лично пережившего в деревне «зарождающуюся потребность искусства».

С другой стороны, традиционные обряды Дарового и окрестных селений, традиции в costume и в быту — это, собственно, та почва, на которой прочно стоит, в которой веками укоренен народ, что для Достоевского впоследствии стало основанием его веры в будущее России.

Павел Проферансов делает краткие лингвистические заметки: о распространенном в Даровом аканье и грамматических диалектных особенностях (например, *рублев, журавлев; любя, ёдя* — вместо *любит, едет*). К сожалению, священник совсем не фиксирует характерные местные лексические диалектизмы, обосновывая их отсутствие тем, что местное население тесно общается с городским образованным сословием и тем самым преодолевает речевые «неправильности»²³.

²³ Можно предположить, что М. М. Достоевский, старший брат писателя, будучи опекуном родительского имения и какое-то время проживая в Даровом (об этом свидетельствует его письмо к жене, Э. Ф. Достоевской, из деревни от 19 июля 1850 г., см.: ОР РГБ. Ф. 93. III. 8. 12 [Эпи-

Такие же скупые сведения он сообщает о местном фольклоре и преданиях (о кладах). Павел Проферансов записал две песни. Одна из них — популярная во многих российских губерниях песня про сына Стеньки Разина. Если в Поволжье, на Дону данный сюжет встречается довольно часто, то для центральных областей он редкость [Лозанова: 26]. Для сравнения приведем рядом текст, записанный в Чернском уезде Тульской губернии:

Таблица 1

Tabl.1

Песня, записанная свящ. Проферансовым	Песня, записанная в Чернском у. Тульской губ.
<p>Во Городѣ Астрахани проявился дѣтинка удалый молодець, чтойто чтойто за дѣтинка, за удалый молодець? Онъ дворянамъ и не кланяется, Астраханскому Губернатору челомъ не бьетъ. Какъ увидѣлъ молодца самъ Губерна- торъ изъ окна, Чтойто, чтойто за дѣтина за удалый молодець; или со Дону казакъ, иль Казацкій сынъ? Я не со Дону казакъ, не казацкій сынъ, А съ Камышенки рѣки Стеньки Разина сынъ. На утро мой батюшка къ вамъ въ гости будетъ, умѣй, умѣй встрѣчать его, умѣй почивать и прочая (Архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 3)</p>	<p>Как у нашем славном городе в Астрахани, Проявился там детинушка незнамый человек. В черном бархатном кафтане на опашку в нем, Тонкой шелковый кушачек во руках несет; Он по городу, детинушка, погуливает, Он и штабам, офицерам не кланяется, Генералам и фельдмаршалам челом не бьет. Как подходит детинушка к воеводскому двору; Как увидел детину воевода из окна, Закричал воевода громким голосом своим: — "Ужь вы, слуги мои верные, солдатушки военные. Вы подите, приведите разудалова молодца". Как приходит детинушка к воеводе налицо; Тут стал воевода у него спрашивать: — Ты скажи, скажи, детинушка, незнамый человек, Чьего дому, чьего роду, как по имени зовут? Или с Дону казак, или казачий сын? Ответ держал детинушка — незнамый человек: — Я не с Дону казак и не казачий сын, И не из матушки вашей каменной Москвы разудалый молодец; По Камышенке-реке красна лодочка плывет, На этой на лодочке пятьсот гребцов, Пятьсот гребцов, все удалых молодцов — Надо всеми-то я атаманщик был [Лозанова: 243. № 107 (23)]</p>

столярное наследие М. М. Достоевского)), также занимался этнографическими наблюдениями, которые были обнаружены нами среди записей по табачной фабрике и набросков произведений. Они названы «Речи и обороты, подслушанные у народа» (см.: ОР РГБ. Ф. 93. III. 8.6. Л. 9; опубли.: [Бессонова: 199]). Вполне возможно, что М. М. Достоевский также принимал участие в собирании этнографических сведений для РГО.

Мы видим, что один и тот же сюжет в разных уездах Тульской губернии существует в своих локальных вариантах, причем иногда противоположных: если в Даровом поют именно о сыне Степана Разина, то в Чернском уезде героем песни оказывается сам предводитель-атаман. Объем текста у П. В. Профферансова вдвое меньше, поэтому мы не можем судить о «даровском» развитии сюжета этой одной из самых популярных песен «разинского цикла», сложившейся непосредственно во время исторических событий (взятие Степаном Разиным Астрахани в 1670 г.): «Содержание песни о сынке распадается на 6 частей, на 6 эпизодов: 1) появление в городе молодца, обращающего на себя всеобщее внимание, 2) — допрос молодца губернатором, 3) — ответ молодца, 4) — заключение молодца в тюрьму, 5) — появление отца на помощь сыну и 6) — финал, не всегда встречающийся в песнях этой темы, — исполнение угроз отца» [Лозанова: 86].

Обращает на себя внимание совмещение в тексте анахронизмов, например, слова «губернатор», и точных историзмов — речки Камышенки (которая в более поздних вариантах превращалась в реку Каму — по фонетической близости). Представляет интерес и история появления песни о сынке Стеньки Разина в Растовецком стане Каширского уезда. Можно предположить, что занесена она была в XVII в. при заселении здешних земель представителями рода Хотяинцевых, известных в Каширском уезде по Писцовым книгам с XVI в.²⁴

Вторая упоминаемая П. В. Профферансовым песня («У рѣчки птичьѣ стадо я съ утра стерегла, Ой Ладо, Ладо, я съ утра стерегла») оказалась примером проникновения в фольклор книжного текста — автор ее слов отнюдь не народ, а поэт XVIII столетия И. Ф. Богданович:

«У речки птичьѣ стадо
Я с утра стерегла;
Ой Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

²⁴ Хотяинцевы относились к служилым людям, о чем говорит, например, «Жалованная грамота царя Алексея Михайловича каширенину Михаилу А[лексее]вичу Хотяинцову на вотчину из его же поместья два жеребья деревни Треполи, два жеребья пустоши Кошейки в Растовском стане Каширского уезда <...> за участие в походах во время русско-польской войны 1654–1667 гг.» (21 марта 1672 г., из собрания Государственного исторического музея // Госкаталог [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22725011> (01.05.2023)).

Под кустиком лежала
Однешенька млада,
Устала я, вздремала,
Вздремала от труда.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Под кустиком уснула,
Глядя по берегам;
За кустик не взглянула,
Не видела; кто там.
А утки-то кра, кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га»²⁵.

К сожалению, Павел Проферансов приводит только начало песни, сведя ее текст к сокращению «и проч.». Лишь в скобках он говорит, что «*въ этой пѣсни заключается воспоминаніе какого-то древняго языческаго божества*»²⁶. У Богдановича девица засыпает на берегу, где притаился соглядатай Иванушка. Ей снится страшный сон, в котором ястреб пытается унести птенчика; героиня, спасая, прижимает его к груди, а проснувшись, обнаруживает в своих объятиях Иванушку. Пасторально-эротический сюжет Богдановича никак не соответствует примечанию Проферансова. Объяснений может быть два. Или мы имеем дело с ситуацией, когда удачная литературная стилизация «уходит в народ» (ярким прецедентом чего в XIX в. стали «Коробейники» Н. А. Некрасова). В Каширском уезде в процессе своего бытования «Песня» Богдановича могла приобрести новый сюжет. Или информант РГО ограничился комментарием только к началу песни с рефреном «Ой Ладо, Ладо, Ладо!». В этом случае действительно можно говорить об упоминании древнего славянского божества Ладо (Лада)²⁷. Интерес представляет и вопрос появления в деревне «литературной» песни: возможно, снова сказалась близость города, присутствие в деревне «отходников».

Из услышанных в Даровом народных песен складывались в сознании Достоевского драгоценные воспоминания детства. Впоследствии они легли в основу понимания писателем русского народа: «Поэт не ниже Пушкина» (ДЗ0; т. 27: 45).

²⁵ Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 183. (Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.)

²⁶ Архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 3.

²⁷ [Макаров М. Н.] Русские предания: другая книжка, изданная М. Н. Макаровым. М.: В тип. А. Семена, 1838. [Ч. 2.] С. 57–71 [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/217625/1/UnVQUkxJQjEyMDkxMTgxLIBERg==> (01.05.2023).

Мы не располагаем важными для истории Дарового вотчинными книгами, а таковые, несомненно, существовали, и, по-видимому, подобный хозяйственный журнал упоминается в письме Михаила Андреевича Достоевского к жене, Марии Федоровне, от 19 мая 1835 г. [Нечаева, 1939: 95]. На помощь приходит этнографическое описание П. В. Проферансова, из которого мы узнаем, что крестьяне Дарового и близлежащих селений к середине XIX в., помимо земледелия, занимаются и отхожими промыслами:

«...во время свободное отъ полевыхъ работъ крестьяне занимаются работами на фабрикахъ, гдѣ ткуютъ миткаль и нанку, также на заводахъ топятъ сало и льютъ свѣчи и пздятъ въ извозы, торгуютъ иногда лошадьми<, > коровами и овцами»²⁸.

Миткалевые фабрики, салотопенные и свечные заводы находились в то время в ближайшем к Даровому городе Зарайске и Зарайском уезде Рязанской губернии. Занятие же извозом становится весьма распространенным к началу крестьянской реформы 1861 г. — в «Выкупном деле» помещицы В. М. Ивановой, сестры писателя и владелицы Дарового и Черемошни с 1852 г., извоз указан как один из основных источников дохода даровских крестьян:

«...крестьяне сельца Дарового занимаются развозкою на собственныхъ лошадахъ купеческихъ товаровъ по разнымъ и отдаленнымъ городамъ Россіи, отъ чего и имѣютъ значительныя выгоды»²⁹.

Деревенский досуг разнообразят народные увеселения — распространенная борьба и достаточно неожиданные для крестьян карточная игра и шашки, которые говорят о близости города Зарайска с преобладающим купеческим и мещанским сословием.

В одном из писем М. А. Достоевский пишет жене:

«Жаль, друг мой, что я у тебя погостил не так как мне хотелось, все помехи, и я не только не повеселился с тобою, но даже не обласкал твоих певиц, кланяйся им от меня и поблагодари их» (Достоевский А. М.: 82–83), —

что Андрей Михайлович комментирует так:

«Деревенские девушки и бабы, которые по праздникам певали у нас в деревенском доме (наверху), как говорили они» (Достоевский А. М.: 82).

Пение даровских крестьянок отмечает и М. М. Достоевский в 1850 г.:

«Съно косили и убирали при мнѣ, нынче стали жать и косить рожь. Все работы веселыя — бабы (молодыя всѣ прехорошенькія) поютъ безъ умолку пѣсни»³⁰.

²⁸ Архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 2 об.

²⁹ РГИА. Ф. 577. Оп. 43. Ед. хр. 1706. Л. 12. Цит. по: [Даровое Достоевского: 226].

³⁰ См. письмо М. М. Достоевского к жене, Э. Ф. Достоевской, от 19 июля 1850 г. (ОР РГБ. Ф. 93. III. 8. 12. Л. 2 об. [Эпистолярное наследие М. М. Достоевского]).

П. В. Проферансов уточняет:

«...женщины имѣють обыкновеніе по праздникамъ собираться въ одно мѣсто, чтобъ вмѣстѣ пѣть и плясать при играніи на свирели и гармоніи, любимыхъ ихъ инструментахъ. Главный предметъ ихъ пѣнія — любовь»³¹.

Интересная деталь в этом описании — инструментальное сопровождение песен и плясок игрой на свирели и гармонии.

Один из самых животрепещущих вопросов тогдашней современности — народное образование, оставшееся в середине XIX в. на самом низком, зачаточном уровне³², о чем и сообщает П. В. Проферансов:

«Обитающіе въ семь краѣ поселяне вообще непросвѣщены; впрочемъ они склонны и прилежны къ знаніямъ, понятливы и смѣтливы. Есть крестьяне, которые будучи уже въ совершенномъ возрастѣ и занимаясь работами на фабрикахъ, обучились въ теченіи одного года посредственно читать и писать самохотно — безъ особаго наставника, отъ своихъ товарищей — посвящая науку время свободное отъ работъ, какъ то Праздники и отдыхи; вообще крестьяне съ охотою слушаютъ чтеніе книгъ, доступныхъ ихъ понятію»³³.

В этой части этнографического описания звучат оценочные суждения, в которых слышится симпатия автора к своему предмету. Последнее же замечание про охотное слушание книг напоминает и размышление Ф. М. Достоевского о духовном просвещении народа, и обращение старца Зосимы к «отцам и учителям» в «Братьях Карамазовых»:

«Разверни-ка он им эту книгу и начни читать без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко, сам радуясь тому, что читаешь им и что они тебя слушают и понимают тебя, сам любя словеса сии, изредка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не беспокойся, поймут всё, всё поймет православное сердце! <...> Нужно лишь малое семя, крохотное: брось он его в душу простолюдина, и не умрет оно, будет жить в душе его во всю жизнь, таиться в нем среди мрака, среди смрада грехов его, как светлая точка, как великое напоминание. <...>. Попробуйте прочтите ему <...> из Четьи-Миней хотя бы житие Алексея человека божия и великой из великих радостной страдальцы, боговидицы и христоносицы матери Марии Египтяныни — и пронзишь ему сердце его сими простыми сказаниями...» (ДЗ0; т. 14: 266–267).

³¹ Архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 2 об.

³² Согласно сведениям Епархиального историко-статистического комитета, в 1858 г. приход Моногаровской церкви насчитывал 1040 человек, среди них грамотных — 30. Население, как о том сообщает П. В. Проферансов, обучалось грамоте у священно- и церковнослужителей. См. об этом: Столетие Тульской епархии: сб., изданный по поводу празднования столетия Тульской епархии. Тула: Тип. И. Д. Фортунатова, 1902. С. 345, 361 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003708861/ (01.05.2023).

³³ Архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 2 об. — 3.

Возможно, в свой последний приезд в Даровое в июле 1877 г. Ф. М. Достоевский общался не только с крестьянами, но и с сельским батюшкой Павлом Проферансовым, от которого и узнал о подобных чтениях и реакции простолюдинов-слушателей.

Убежденность Достоевского в необходимости и особой «методе» духовного просвещения и образования простого народа имеет под собой основания, особенно призыв воздействовать через детей. Так, еще к 1836 г. относится указ Священного Синода о «первоначальном обучении поселянских детей» местными священниками:

«Приглашая духовенство къ обученію поселянскихъ (крестьянскихъ) дѣтей, правила указываютъ, что духовенство "симъ средствомъ и случаемъ должно воспользоваться для исполненія своей непрекословной обязанности наставлять дѣтей въ вѣрѣ и благочестіи" <...>, и рекомендуютъ обученіе производить домашнимъ образомъ, въ домѣ одного или двухъ изъ членовъ причта <...> — мѣстному священнику или діакону, а иногда и причетнику, по нуждѣ и способности <...>, принимая желающихъ учиться безвозмездно и располагая родителей къ обученію дѣтей <...>; обучать предписывалось "чтенію церковной и гражданской печати, а желающихъ письму"; изъ Закона Божія учащіеся должны были изучать на память молитву Господню, символъ вѣры, 10 заповѣдей, стихъ: "Богородице, Дѣво, радуйся", при чемъ требовалось "краткое и самопротѣйшее изъясненіе оныхъ изъ катихизиса и главнѣйшія сказанія изъ священной исторіи — въ видѣ разговоровъ и рассказовъ, безъ школьной принужденности и буквального вытверживанія на память"...»³⁴.

Эти наставления напрямую соотносятся со словами старца Зосимы:

«Собери он у себя раз в неделю, в вечерний час, сначала лишь только хоть деток, — прослышат отцы, и отцы приходят начнут» (ДЗ0; т. 14: 266), —

и с убеждением самого писателя:

«...все отлично знают, что, в среде нашего священства, не иссякает дух и есть горячие деятели. <...> но всего бы лучше, если б им (детям. — А. Б.) — просто рассказывали священные истории, без особой казенной морали <...>. Ряд чистых, святых, прекрасных картин сильно подействовали бы на их жаждущие прекрасных впечатлений души...» (ДЗ0; т. 22: 24).

На первый взгляд, этнографическое описание представляет собой обрывочные сведения о народной жизни, которую в Даровом наблюдал Федор Михайлович Достоевский в детстве. Однако в простой констатации фактов деревенским священником прослеживаются те свойства народного характера, о которых будет сказано в «Дневнике Писателя»:

³⁴ Столетие Тульской епархии. С. 341.

«Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении» (ДЗ0; т. 22: 43).

Мысль высказана во второй части триптиха, посвященного народу, «О любви к народу. Необходимый контракт с народом» — февральского выпуска 1876 г., вершиной которого стал рассказ «Мужик Марей». Какое же наблюдение о народном характере делает священник Павел Проферансов в своих этнографических заметках?

«Въ нравственномъ отношеніи здѣшніе поселяне грубы, неучтивы, наглы и склонны къ мщению, — вообще нравы ихъ низкаго состоянія; впрочемъ они въ обхожденіи простосердечны, откровенны и гостеприимны»³⁵.

В этой характеристике прослеживается та антиномия, на которой строятся все «народные» сюжеты «Дневника Писателя» — в даровском крестьянине уживаются проявления низкого нрава и порывы искреннего чувства, говорящего в пользу убеждения Достоевского: «Я знаю, что этот безобразный народ — безмерно прекрасен» (ДЗ0; т. 22: 153).

Когда при интерпретации рассказа «Мужик Марей» встает вопрос о достоверности воспоминаний автора-рассказчика или их художественной природе, на помощь приходит документ, автор которого был движим доставить Русскому географическому обществу максимально объективные ответы на вопросы программы по этнографическому отделу.

Однако объективность требует рассмотрения темы в более широком контексте. Активными добровольными помощниками РГО в деле изучения русского народа стали не только представители духовенства. Большой интерес представляют этнографические описания, составленные помещиками Каширского уезда — Александром Егоровичем Мещерским и Александром Балтазаровичем Фрейрейсом. Объектом наблюдений Мещерского стали крестьяне сельца Ожерельева. Фрейрейс писал о крестьянах села Красина (Телешово тож). Оба селения располагаются в относительной близости к Даровому. Но не только это обратило на себя наше внимание. Штабс-капитан Мещерский в 1839 г. был депутатом от дворянства при рассмотрении дела о смерти помещика Михаила Андреевича Достоевского. Личность коллежского регистратора Фрейрейса, которая проявилась в стиле и идейном содержании материалов для РГО, а также его судьба, могут служить примером тех «лучших людей», о которых говорил Достоевский в «Дневнике Писателя». Публикация и анализ этнографических сведений, пришедших в РГО помещиками Каширского уезда, составляют перспективу начатого нами исследования.

³⁵ Архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 3.

Материалы архива Русского географического общества являются не только ценным источником документальных сведений о жизни деревни времен детства и юности Ф. М. Достоевского. Они подтверждают верность понимания и оценки писателем русского народа. Практическая значимость архива РГО поистине велика, поскольку дает богатый исторический материал для создания этнографической экспозиции в Музее-усадьбе Ф. М. Достоевского «Даровое».

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Проферансов Павел, священник. Этнографические сведения о простом народе по Каширскому уезду Тульской губернии

Оригинал: Архив РГО. Р. 42. Оп. 1. Ед. хр. 31. 3 л., 6 с.

На полях в левом углу помета: *кѣ № 24. 7 Января 1850.*

На полях вверху запись карандашом: *Село Моногарово отъ Свящ. Проферансова.*

Публикуется впервые.

Свѣденія

О простомъ Рускомъ народѣ Тульской Губерніи по Каширскому Уѣзду.

1) Относительно наружности:

Обитающіе въ семъ краѣ поселяне вообще росту средняго. Весьма немного такихъ, которые были бы двухъ аршинъ и осми вершковъ, вообще же ниже того. Всѣ они собою статны и сильны. Грудь у нихъ обыкновенная — не высокая, а плечи широкія, особенно у женщинъ, вѣроятно потому, что они съ малолѣтства приобучаютъ себя къ трудамъ и носятъ тяжелыя ноши. Въ чертахъ лица ихъ ничего особаго не заключается, — волосы имѣютъ большею частію русые, глаза свѣрые, лицо круглое, носъ прямой. Черты лица ихъ довольно пріятны. Ловкости и проворства въ нихъ особаго нѣтъ, впрочемъ они къ физическимъ трудамъ охотны, — сильны и даже въ нихъ кажутся неустомимы. Здѣсь жены простаго народа молятъ хлѣбъ, иногда ходятъ за сохою и вообще помогаютъ крестьянамъ во всѣхъ тяжелыхъ работахъ хлѣбопашества. Больше обыкновенныя болѣзни, которымъ въ этомъ краѣ народъ подвергается, суть простудныя Горячка и Лихорадка. Этимъ болѣзнямъ простой народъ болѣе подвергается отъ неосторожности; ибо они вмѣсто того, чтобъ брать предосторожности отъ непогоды и стужи, отваживаются на все, — и выходятъ на стужу не закрывая ни шеи, ни даже груди. Подвергаются также кровавому поносу, скарлатинѣ и многимъ головнымъ болямъ.

2) О Языкѣ

Здѣшніе поселяне, какъ имѣющіе, по своей промышленности, болѣе или менѣе сообщеніе съ довольно образованнымъ классомъ народа, говорятъ нарѣчіемъ болѣе правильнымъ. Обыкновенное уклоненіе здѣшнихъ поселянъ отъ повсемѣстнаго общепотребительнаго языка состоитъ а) въ измѣненіи нѣкоторыхъ буквъ, которыя для ихъ выговора кажутся тяжелыми, — напр<имѣръ> въ измѣненіи *ч* на *щ* (што вмѣсто что) *о* на *а* (челавѣкъ вм<ѣсто> чловѣкъ, цѣловать вм<ѣсто> цѣловать); *е* на *а* (табѣ вм<ѣсто> тебѣ); и наоборотъ а въ е напр<имѣръ> (часы вм<ѣсто> часы); б) въ измѣненіи окончаній словъ при склоненіяхъ: (>напр<имѣръ> <с. 1, л. 1> рублевѣ, журавлевѣ вмѣсто рублей, журавлей) и при спряженіяхъ напр<имѣръ> любя, ѣдя, видя, вм<ѣсто> любитъ, едитъ, видитъ; — или любить, ѣдитъ вм<ѣсто> любитъ, ѣдитъ; но словъ вовсе неизвѣстныхъ въ общепотребительномъ языкѣ никакихъ въ народѣ не замѣчено.

3) Домашній бытъ

Жилища здѣшнихъ поселянъ деревянныя — небольшія — крытыя соломой. Передняя стена оныхъ съ двумя, или тремя окнами обыкновенно строится на улицу, а у нѣкоторыхъ крестьянъ все строеніе помѣщается внутри двора. Разположеніе ихъ почти одинаково. Напереди устрояется жилия изба пространствомъ отъ 7 до 10 аршинъ, смотря по состоянію и семейству крестьянина. Напротивъ избы на другой сторонѣ зданія находится горница пространствомъ отъ 5 до 7 аршинъ. Эта горница служитъ для прибора разной домашней утвари не всегда употребляемой. Между избою и горницею заключаются сѣни отъ 3^{хъ} до 5 аршинъ, въ которыхъ у крестьянъ болѣе достаточныхъ устрояется чуланъ. Избы строятся вообще безъ трубъ — дымныя. Внутри оныхъ убранства никакого нѣтъ, — столы и лавки составляютъ все украшеніе оныхъ. Половъ въ домахъ не дѣлаютъ, нѣкоторые же выстилаютъ оныя кирпичемъ, вообще въ домахъ неопрятность — нечистота; потому, что тутъ же нерѣдко помѣщается и домашній скотъ. Дворы обыкновенно огораживаются плетнемъ. Напротивъ двора устрояется сарай для прибора разной конской упряжи и орудій земледѣльческихъ.

Обыкновенная одежда крестьянъ состоитъ въ суконномъ кафтанѣ, который дѣлается длиною до коленъ. Зимняя одежда состоитъ въ овчинномъ полушубкѣ. Сверхъ оныхъ носятъ длинный суконный кафтанъ. По праздникамъ они употребляютъ туже одежду, — только нѣсколько почище. Обувь вообще какъ мужчинъ, такъ и женщинъ составляютъ лапти. Обыкновенная одежда женщинъ состоитъ [состоитъ] въ юбкѣ изъ шерстяной матеріи, — шахматной и бѣлой, устроенной изъ льнянаго холста занавѣскъ безъ рукавовъ. Сверхъ оныхъ носятъ такъ называемые нагрудники: это платьѣ шерстяное бѣлое съ короткими до локтя рукавами безъ ворота съ одними обшивками; длиною оно до коленъ. Напереди оныхъ противъ груди вшивается изъ краснаго сукна четырехугольникъ, покрывающій грудь; подолъ и полурукавья обшиваются также краснымъ сукномъ. Рубахи у нихъ дѣлаются съ широкими рукавами. Для употребленія <с. 2, л. 1 об.>

по праздникамъ эти рукава дѣлаются ситцовые, только краснаго цвѣта, который у нихъ въ большомъ употребленіи; Фартуки также ситцовые, а юбки обшиваются кругомъ около подола мишурнымъ позументомъ. На голову носятъ платокъ повязывающій его разнымъ образомъ.

Вседневная пища простаго народа заключается въ черномъ хлѣбѣ, щакѣ, картофель и прочихъ овощахъ, — молокѣ и яйцахъ. По Праздникамъ употребляютъ во щакѣ сало, а нѣкоторые и мясо и также гречичную кашу. Пьютъ обыкновенно квасъ. Хотя они и держатъ скотъ, но мяса ѣдятъ очень мало. Садясь за столъ они имѣютъ обыкновеніе умывать руки. —

Обряды при свадьбахъ:

Когда родители молодаго человѣка задумаютъ женить: то ищутъ между своими знакомыми пристойной невесты; нашедши же идутъ къ родителямъ сей дѣвицы. Если родитель невестинъ согласенъ отдать ее за мужъ: то велитъ принести штофъ водки, и это принимается знакомъ его согласія. Для сего онъ созываетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ — и при этомъ угощеніи со стороны родителей жениха невеста дѣлаетъ жениху чрезъ родителей его обыкновенные подарки, которые большею частію состоятъ въ двухъ платкахъ, изъ коихъ одинъ бумажный, а другой изъ льнянаго холста. (Здѣсь женихъ не видитъ своей невесты до времени совершенія брака.) Постановивши такимъ образомъ условія родители жениха уходятъ, — невеста при выходѣ ихъ начинаетъ громогласно плакать, а съ нею и всѣ ея родственники, — впрочемъ только женскій полъ. — Когда условія постановлены, то родители жениха должны платить за невесту договорную сумму, которая впрочемъ не выше трехъ рублей серебромъ, вообще же ниже и того. — Наконецъ собирается поѣздъ въ Приходскую Церковь для совершенія брака; женскій полъ сопровождаетъ ихъ съ пѣснями нерѣдко до самой Церкви, — въ это время они запасаются водкою для угощенія стороннихъ людей, встрѣчающихся на пути, — опасаясь въ противномъ случаѣ порчи, причиняющей будто вредъ здоровью и частію брачующихся. —

При похоронахъ:

Похороны у поселянъ совершаются благопристойно. Покойникъ обыкновенно сопровождается къ Церкви и на кладбищу съ плачемъ.

Въ случаѣ скотскаго падежа:

Если близко въ сосѣднихъ деревняхъ падежъ, то для предотвращения онаго простой народъ исполняетъ слѣдующій суевѣрный обрядъ: собираются тайно, — ночью всѣ находящіяся въ деревнѣ вдовы и дѣвы въ одно мѣсто; и избираютъ <с. 3, л. 2> одну болѣе честную, которой вручаютъ икону Спасителя или Божіей Матери, — другія берутъ соху, — въ самую полночь начинается ходъ вокругъ всей деревни; впередъ несутъ икону, за тѣмъ двѣ женщины везутъ на себѣ соху, проводя оную черту, или борозду, прочія сопровождаютъ съ пѣніемъ Господи помилуй, или Святый Боже! Если во время этой церемоніи встрѣчается съ ними какое животное,

то стараются прогонять оное отъ деревни на дальнее разстояніе. Этому обряду простой народъ приписываетъ великую силу, хотя и рѣдко сбывается по ихъ предположенію. —

Главное занятіе обитающихъ здѣсь поселянъ состоитъ въ хлѣбопашествѣ. Но во время свободное отъ полевыхъ работъ крестьяне занимаются работами на фабрикахъ, гдѣ ткуютъ миткаль и нанку, также на заводахъ топятъ сало и льютъ свѣчи и ѣздятъ въ извозы, торгуютъ иногда лошадьми<, > коровами и овцами. Вотъ всѣ источники, изъ которыхъ они получаютъ жизненные средства. — Все богатство здѣшнихъ поселянъ состоитъ въ участкѣ земли, на которомъ родится хлѣба не болѣе, какъ для семейнаго продовольствія, а также въ скотъ — лошадахъ, коровахъ и овцахъ. Смотря по числу въ домѣ рабочихъ и промышленности поселяне употребляютъ на пропитаніе себя и прочіе по дому прожитки — сумму разликую. —

Забавы простаго народа состоятъ — въ бор<ь>бѣ, карточной игрѣ и въ игрѣ въ шашки; женщины имѣютъ обыкновеніе по праздникамъ собираться въ одно мѣсто, чтобъ вмѣстѣ пѣть и плясать при играніи на свирели и гармоніи, любимыхъ ихъ инструментахъ. Главный предметъ ихъ пѣнія — любовь. —

4) Умственные и нравственные способности и образованіе:

Обитающіе въ семъ краѣ поселяне вообще непросвѣщены; впрочемъ они склонны и прилежны къ знаніямъ, понятливы и смѣтливы. Есть крестьяне, которые будучи уже въ совершенномъ возрастѣ и занимаясь работами на фабрикахъ, обучились въ теченіи одного года посредственно читать и писать самохотно — безъ особаго наставника, отъ своихъ товарищей — посвящая наукѣ время свободное отъ работъ, какъ то Праздники и отдыхи; вообще крестьяне <с. 4, л. 2 об.> съ охотою слушаютъ чтеніе книгъ, доступныхъ ихъ понятію. Впрочемъ въ селеніяхъ за недостаткомъ времени и наставниковъ очень мало грамотныхъ. Число грамотныхъ простирается здѣсь до пяти человекъ въ деревнѣ — не болѣе. Обучаются они обыкновенно у такъ называемыхъ мастеровъ, каковы большею частію Священно-церковнослужители. — Въ нравственномъ отношеніи здѣшніе поселяне грубы, неучтивы, наглы и склонны къ мщенію, — вообще нравы ихъ низкаго состоянія; впрочемъ они въ обхожденіи простосердечны, откровенны и гостепріимны.

5) Народныя Преданія

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ простаго народа сохранились досель воспоминанія о временахъ прошедшихъ. Таковыя пѣсни суть слѣдующія: «Урѣчки птичье стадо я съ утра стерегла, Ой Ладо, Ладо, я съ утра стерегла», и проч. (въ этой пѣсни заключается воспоминаніе какого-то древняго языческаго божества) или: «Во Городѣ Астрахани проявился дѣтинка удалый молодецъ, чтойто чтойто за дѣтинка, за удалый молодецъ? Онъ дворянамъ и не кланяется, Астраханскому Губернатору челомъ не бьетъ. Какъ увидѣлъ молодца самъ Губернаторъ изъ окна, чтойто, чтойто за дѣтина за удалый молодецъ; или со Дону казакъ, иль Казацкій сынъ? Я не со

Дону казакъ, не казацкій сынъ, а съ Камышенки рѣки Стеньки Разина сынъ. На утро мой батюшка къ вамъ въ гости будетъ, умѣй, умѣй встрѣчать его, умѣй потчивать и прочая». — Есть также въ простомъ народѣ различныя сказанія окладахъ. Эти рассказы болѣе или меньше имѣютъ общій характеръ, заключающійся въ слѣдующемъ: Начало кладовъ относятъ они вообще къ незапамятнымъ временамъ, имущество, составляющее кладъ, приобрѣтено будто неправдою — разбойниками, или людьми, знакомыми съ нечистою силою — колдунами. Эти клады закапываются съ извѣстными условіями, къ числу которыхъ преимущественно относится определенное время — срокъ, на который онъ заговоренъ лежать въ землю. Прежде сего срока, онъ никакими средствами, какъ говорится, не дастся въ руки, по прошествіи же срока принимаетъ будто онъ видъ какого нибудь животнаго и начинаетъ ходить по бѣлу свѣту. Простой народъ увѣряетъ, что такимъ образомъ многимъ давались клады, являясь въ видъ лошади, коровы, кошки или зайца и т. подоб. <с. 5, л. 3> По цвѣту шерсти животнаго обыкновенно заключаютъ, изъ чего состоитъ кладъ, изъ золота или серебра. При появленіи такого животнаго, которое будто перебѣгаетъ дорогу нѣсколько разъ, надобно уллучивъ минуто, ударить его поясомъ и при этомъ сказать три раза: разсыпья! Послѣ этой операціи животное будто превратится въ груду звонкой монеты. —

Села Моногарова Священникъ Павелъ Проферансовъ. <с. 6, л. 3 об.>

Список литературы

1. Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 2. 544 с.
2. Бессонова А. С. Неизвестное Даровое (по архивным материалам) // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: Лига, 2019. С. 193–200 [Электронный ресурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (01.05.2023). EDN: PGLUSW
3. Владимирцев В. П. Достоевский народный: Ф. М. Достоевский и русская этнологическая культура: Статьи. Очерки. Этюды. Комплекс историко-литературных исследований. Иркутск: ИГУ, 2007. 459 с.
4. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011. 936 с. [Электронный ресурс]. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2012_gura.pdf (01.05.2023). (Сер.: Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.)
5. Даровое Достоевского: материалы и исследования / под ред. А. С. Бессоновой. Коломна: Лига, 2021. 544 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128255#1 (01.05.2023).
6. Жигулева В. М. Русская народная одежда. Понёва и юбка. М.: Бослен, 2018. 256 с.
7. Лозанова А. Н. Народные песни о Степане Разине: историко-литературное исследование и тексты. Саратов; Новоузенск: Нижне-Волжск. обл. науч. о-во краеведения, 1928. 290 с. [Электронный ресурс]. URL: https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2012_gura.pdf (01.05.2023).
8. Мадлевская Е. Л., Зимина Т. А. Шушпан, душегрея, корсет: нагрудная одежда в русском традиционном костюме. М.: Бослен, 2020. 256 с.
9. Нечаева В. С. Из литературы о Достоевском: поездка в Даровое // Новый мир. М., 1926. № 3. С. 128–144.
10. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских (письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М.: Соцэкгиз, 1939. 158 с.
11. Нечаева В. С. Ранний Достоевский, 1821–1849. М.: Наука, 1979. 288 с.
12. Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1985. Вып. 6. С. 274–295.
13. Ойнас Д. Б. Усадьба дворян Хотяинцевых Моногарово. Предварительные материалы полевого исследования 2016 г. // V Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: Лига, 2019. С. 183–190 [Электронный ресурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (01.05.2023).
14. Поездка в Даровое (Из дневника А. М. Достоевского 1887 года) / публ., коммент., послесл. В. А. Викторovichа // IV Летние чтения в Даровом / ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: Лига, 2016. С. 185–192 [Электронный ресурс]. URL: <http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/IV-summer-reading.pdf> (01.05.2023).
15. Прохоров Г. С. «Говорили, будто сын барина, Федор Михайлович, большим человеком стал. Не может, гражданин, быть, чтоб у этакого отца такой сын был»: к вопросу об идеологической аранжировке в текстах о Даровом 1920-х годов // Вестник Моск. гос. обл. соц.-гуманит. ин-та. Гуманитарные науки. 2010. № 2 (10). С. 149–156 [Электронный ресурс]. URL: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/govorili_budto.pdf (01.05.2023). EDN: ОКРЕСЕ

16. Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина (руков. проекта); Волгин И. Л. Родные и близкие: историко-биографические очерки. М.: Фонд Достоевского, 2012 (на тит. л. 2013), 1232 с. [Электронный ресурс]. URL: https://fedordostoevsky.ru/pdf/volgin_chronicle.pdf (01.05.2023).
17. Эпистолярное наследие М. М. Достоевского // Портал “philolog.petsu.ru”. ПетрГУ [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petsu.ru/mdost/texts/letters/letters.htm> (01.05.2023).

References

1. Belov S. V. *Entsiklopedicheskiy slovar' "F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie": v 2 tomakh* [Encyclopedic Dictionary “F. M. Dostoevsky and His Ambience”: in 2 Vols]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 2. 544 p. (In Russ.)
2. Bessonova A. S. Unknown Darovoe (Based on Archival Materials). In: *V Letnie chteniya v Darovom* [The 5th Summer Readings in Darovoe Village]. Kolomna, Liga Publ., 2019, pp. 193–200. Available at: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (accessed on May 1, 2023). EDN: PGLUSW (In Russ.)
3. Vladimirtsev V. P. *Dostoevskiy narodnyy: F. M. Dostoevskiy i russkaya etnologicheskaya kul'tura: Stat'i. Oчерki. Etyudy. Kompleks istoriko-literaturnykh issledovaniy* [Folk Dostoevsky: Dostoevsky and Russian Ethnological Culture: Article. Essays. Sketches. The Complex Historical and Literary Studies]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2007. 459 p. (In Russ.)
4. Gura A. V. *Brak i svad'ba v slavyanskoy narodnoy kul'ture: semantika i simvolika* [Marriage and Wedding in the Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 936 p. Available at: https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2012_gura.pdf (accessed on May 1, 2023). (In Russ.)
5. *Darovoe Dostoevskogo: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky's Darovoe: Materials and Research]. Kolomna, Liga Publ., 2021. 543 p. Available at: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2128255#1 (accessed on May 1, 2023). (In Russ.)
6. Zhigulyova V. M. *Russkaya narodnaya odezhda. Ponëva i yubka* [Russian Folk Clothes. Ponyova and Skirt]. Moscow, Boslen Publ., 2018. 256 p. (In Russ.)
7. Lozanova A. N. *Narodnye pesni o Stepane Razine: istoriko-literaturnoe issledovanie i teksty* [Folk Songs About Stepan Razin: Historical and Literary Research and Texts]. Saratov, Novouzensk, The Lower Volga Regional Scientific Society of Local History Publ., 1928. 290 p. Available at: https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2012_gura.pdf (accessed on May 1, 2023). (In Russ.)
8. Madlevskaya E. L., Zimina T. A. *Shushpan, dushegreya, korset: nagrudnaya odezhda v russkom traditsionnom kostyume* [Shushpan, Quilted Jacket, Corset: Chest Clothes in Russian Traditional Costume]. Moscow, Boslen Publ., 2020. 256 p. (In Russ.)
9. Nechaeva V. S. From the Literature on Dostoevsky: Trip to Darovoe. In: *Novyy mir*. Moscow, 1926, no. 3, pp. 128–144. (In Russ.)
10. Nechaeva V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh: pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh* [In the Dostoevsky Family and Estate: Letters of M. A. and M. F. Dostoevsky]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1939. 158 p. (In Russ.)
11. Nechaeva V. S. *Ranniy Dostoevskiy, 1821–1849* [Early Dostoevsky, 1821–1849]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 288 p. (In Russ.)

12. Nechaeva V. S. Recollections of the History of the Foundation of the First Museum of F. M. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, issue 6, pp. 274–295. (In Russ.)
13. Oynas D. B. Manor of the Noblemen Khotyaintsev Monogarovo. Preliminary Materials of the Field Study 2016. In: *V Letnie chteniya v Darovom* [The 5th Summer Readings in Darovoe Village]. Kolomna, Liga Publ., 2019, pp. 183–190. Available at: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/Blok_LCH.pdf (accessed on May 1, 2023). (In Russ.)
14. Trip to Darovoe (From A. M. Dostoevsky's 1887 Diary). In: *IV Letnie chteniya v Darovom* [The 4th Summer Readings in Darovoe]. Kolomna, Izdatel'skiy Dom "Liga" Publ., 2016, pp. 185–192. Available at: <http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2020/06/IV-summer-reading.pdf> (accessed on May 1, 2023). (In Russ.)
15. Prokhorov G. S. "It Was Said that the Master's Son, Fyodor Mikhailovich, Had Become a Great Man. It can't be, Mister, that such a Father Has such a Son": to the Question of the Ideological Arrangement in the 1920s Texts About the Darovoe. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo sotsial'no-gumanitarnogo instituta. Gumanitarnye nauki* [Herald of Moscow Regional State Institute of Humanities and Social Studies. Humanities], 2010, no. 2 (10), pp. 149–156. Available at: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/govori-li_budto.pdf (accessed on May 1, 2023). (In Russ.)
16. *Khronika roda Dostoevskikh; Igor' Volgin. Rodnye i blizkie: istoriko-biograficheskie ocherki* [The Chronicle of the Generations of Dostoevskys; Igor Volgin. Nearest and Dearest: Historical and Biographical Essays]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012 (on the title page 2013). 1232 p. Available at: https://fedordostoevsky.ru/pdf/volgin_chronicle.pdf (accessed on May 1, 2023). (In Russ.)
17. Epistolary Heritage of M. M. Dostoevsky. In: *Portal "philolog.petsu.ru"*. Petrozavodsk State University. Available at: <https://philolog.petsu.ru/mdost/texts/letters/letters.htm> (accessed on May 1, 2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бессонова Альбина Станиславовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зелёная, 30, г. Коломна, Московская область, Российская Федерация, 140410); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2925-3162>; e-mail: abessonova13@mail.ru.

Albina S. Bessonova, PhD (Philology), Leading Researcher, State Social and Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, Moscow Region, 140410, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2925-3162>; e-mail: abessonova13@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.05.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.06.2023

Принята к публикации / Accepted 20.06.2023

Дата публикации / Date of publication 10.07.2023